

Сергей Гришин
На север! Часть 2
Небесный тихоход

Оптимистический постапокалипсис. История вторая

Сергей Гришин
На север! Часть 2. Небесный
тихоход. Оптимистический
постапокалипсис.
История вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522941
ISBN 9785449626523

Аннотация

Путешествие на север продолжается. Ивана ждёт посещение Нового Петербурга, а ещё – дна Онежского озера. Но об этом молчок.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**На север! Часть 2.
Небесный тихоход
Оптимистический
постапокалипсис.
История вторая**

Сергей Гришин

© Сергей Гришин, 2019

ISBN 978-5-4496-2652-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Говорят, путешествие по морю выдерживают далеко не все. Многих начинает мутить при появлении первых мало-мальски крупных волн. А уж когда на море качка, и бушует ураган, бедолаги зеленеют до состояния огурца и избавляются не только от содержимого желудка, но и от самого этого, безусловно, полезного, внутреннего органа. И никакая морячка, уж будьте уверены, не спасёт. Это, кажется, называют морской болезнью.

В небесах никаких волн нет. Но есть ветер. Если на суше он то и дело утыкается во всякие неровности, рукотворные и нерукотворные, на море – в редкие острова и ещё более редкие, но обширные материки, то в небесах для него нет препятствий.

«Ветер, ветер – на всем божьем свете!» – так, кажется, писал какой-то древний поэт. Правда, у него там дальше было совсем не про ветер. Поэтому продолжение вспоминать не буду.

К счастью, наш летающий историко-архитектурный, по словам Антуана Пустопорожного, но от того не менее технологически современный корабль оборудован надёжной защитой. Благодаря силовому полю нас не беспокоил не только ветер, но и дождь.

Некоторое время назад мне уже посчастливилось поле-

тать. Но в первый раз я совсем не ничего почувствовал. Потому как в транспортном судне, больше похожем на сарай, не было даже окошек. После я несколько раз путешествовал в багажном отсеке летающего катера, который для меня любезно освободил Шляпник, сыщик из Великого Тагила. Но приятными те полёты назвать было сложно. Я находился в весьма стеснённом, практически, сложенном, положении. И после особенно длительных перелётов долго не мог прийти в нормальное состояние. Так что нынешнее путешествие пока вызывало у меня исключительно положительные эмоции.

Кстати, размеры нашего транспортного средства не вполне соответствовали историческим. Как рассказал мне всё тот же Антуан, древний драккар представлял собой всего лишь утлую лодчонку, в которой гребцы противоположных бортов работали, практически соприкасаясь локтями. На нашей же посудине вполне можно было устраивать балы.

В недрах палубы помещались четыре комфортабельные каюты, душ, туалет, кухня, столовая и комната отдыха, которую Аркадий Петрович почему-то называл актовым залом. Правда, в отличие от дома Антуана в Небесной Москве, мебель нельзя было менять по собственному желанию. Её даже переставлять было нельзя. Она словно выросла в пол.

Разумеется, я занял одну из двух свободных кают. А вот Липунюшка, к моему удивлению, не поселилась в оставшейся. Она предпочла палубу. Вечно торчала у борта и вглядыва-

валась вдаль. Вид у неё был, точно у кошки, что сидит у окна и бьёт хвостом, наблюдая за резвящимися за стеклом птичками. Пыталась залезать на мачту. Но, пару раз уткнувшись макушкой в силовое поле, перестала.

Этим её нежеланием селиться внизу не преминул воспользоваться Ницше. Мой непарнокопытный приятель часами скакал на большой кровати, издавая восхищённые восклицания.

А начинался полёт весьма нервно. Пока Антуан Пустопорожный носился в подпалубном пространстве, мы с Аркадием Петровичем неуверенно переглядывались, наблюдая за странными манёврами, совершаемыми нашим транспортом.

Сначала корабль плавно поднялся на уровень самой высокой крыши, но потом вдруг резко взмыл под облака, заставив нас присесть. При этом наша палуба подхватила несколько ворон, не ожидавших нападения снизу. Видимо, защитное поле по какой-то причине оказалось отключено.

Появлению неожиданной дичи очень обрадовалась Липа. Ей удалось расправиться с тремя птицами, прежде чем остальные осознали опасность и улетели.

– Вурдалапочка, – с укоризной в голосе обратился к девочке Ницше, – зачем ты так? Они к нам в гости упали, а ты их на зуб!

Липунюшка выплюнула перья и изобразила зловещую улыбку. Потом взмыла на мачту, демонстративно балансируя

на самой верхушке.

И чуть оттуда не свалилась на палубу, когда наш Варяг заложил неожиданный вираж. Мы с Аркадием Петровичем и осликом впечатались в борт. Корабль с креном уходил куда-то влево. К счастью, через некоторое время он выровнялся.

– Что вы тут творите? – из подпалубных недр вылез Антуан. Одной рукой он держался за голову, в другой, прижатый к груди, посверкивал глазищами Че.

– Мы? – удивился я.

– Мы думали, что это ты курс сменил, – утирая разбитый нос, проямлил Аркадий Петрович. – Мы этой штукой при всём желании управлять не можем.

– М-да? – задумчиво проговорил протодиакон.

Потом отпустил котёнка (тот сразу вскарабкался наверх к Липе) и извлёк свою пипку. Потыкался в неё пальцами, почесал нос.

– Что-то я скрипальнул, – пробормотал он, продолжаяковыряться со своим прибором.

– Что он сделал? – не понял я и обратился к поэту.

– Это значит, перемудрил, – пояснил тот.

– Странное какое-то выражение, – хмыкнул я.

– Мы привыкли, – пожал плечами Аркадий Петрович. –

Но этимология этого слова мне не известна.

Тем временем протодиакон, похоже, справился с управлением кораблём и удовлетворённо улыбнулся. Ветер тут же

перестал трепать мои волосы. Как я догадался, это означало начало работы защитного поля, окружившего корабль.

– Что ж, пора перекусить! – довольно воскликнул Антуан. – Айда за мной вниз. Заодно покажу тебе, Иван, свободные каюты.

Я вскинул голову и поманил верхолазов:

– Кис-кис! Липа, обедать!

– Че! – воскликнул Ницше. – Прыгай вниз! А то всё вкусное съедят!

Котёнок и Альфийка прыгнули одновременно... И с визгом и выпученными глазами покатались вниз, отчаянно пытаясь затормозить. Бедолаги тщетно старались зацепиться когтями за невидимое препятствие. Однако защитное поле категорически отказывалось пускать их на палубу. Ещё немного, и оба любителя верхних этажей свалились бы за борт.

– Отключить поле! – заорал на Антуана я.

– Отключить поле! – заорал Антуан на свою пипку.

К удаче наших верхолазов голосовое управление на его приборе присутствовало.

– Поле отключено, – донёсся мужской голос.

Котёнок и девчонка шлёпнулись на палубу в считанных сантиметрах от борта. Антуан кинулся к своему долгожданному, но чуть было не потерянному питомцу, а мы с осликом – к Липунюшке. Че без возражений позволил взять себя на руки. Альфу же никто носить на руках не собирался. Мы

всего лишь убедились, что с ней всё в порядке.

– А теперь включи обратно, – хриплым голосом потребовал Аркадий Петрович. – Здесь дует. Вот простудимся и будем на всех сверху чихать!

Глава 2

Скорость нашего перемещения, судя по всему, была не слишком велика. Пожалуй, Шляпник на своей Ямахе успел бы раз десять слетать от Москвы до Тридевятого царства и обратно, пока мы выплыли за пределы Московского ареала. То есть, зоны, над которой летает этот небесный город.

Проснувшись утром в своей комфортабельной каюте, я принял душ. А потом часа три наблюдал сверху за наземной жизнью, пристроившись недалеко от Липунюшки.

Хотя, какая уж там жизнь? Среди зарослей лесов было невозможно различить, что там, под пологом ветвей, творится. На реках и озёрах я тоже мало что интересного увидел. Ну, утки. Ну, лодка с рыбаком. Ну и что?

Правда, в одном месте я заметил остов какой-то огромной машины, торчащий из воды. Вот только далековато было.

Один раз миновали небольшое селение. Судя по муравьиной активности нервно снующих внизу жителей, появление над их головами летающего корабля произвело впечатление. Кто-то особо смелый пытался кинуть в нас что-то мелкое. Что именно – я не разглядел. Но это что-то упало на макушку пробегавшему мимо мужику с мешком. К сожалению, останки здесь не было предусмотрено. Поэтому последовавший боксёрский поединок я не видел.

Наконец проснулись Аркадий Петрович и Антуан Пустопорожный. Вялеными рыбами выбрались на палубу, щурясь от яркого солнечного света. Немного поругались по поводу очерёдности похода в душ. Потом скрылись вниз.

Через некоторое время был готов завтрак. Мы подкрепились. А потом я снова скучал на палубе. Глядел на резвящихся Липу и Че. И снова скучал.

Солнце уже перевалило далеко за полдень, когда ко мне с торжественным видом подошёл Антуан Пустопорожный.

– Поздравляю, Иван! – протодиакон с улыбкой похлопал меня по плечу. – Ты впервые пересекаешь границу Московского ареала! И по древней воздушной традиции мы с Аркадием Петровичем имеем честь провести обряд посвящения!

– Какого ещё посвящения вам от меня надо? – я с недоверием отстранился, глядя на странно одетого Ароза Азорина, появившегося за спиной Антуана. Поэт был замотан в длинную простыню, голову венчал венок. Судя по характерному навязчивому аромату, напомнившему уху, приготовленную Жанной, он был сплетён из лавровых листьев.

– Это древняя традиция, называется день Зефира, – пояснил протодиакон.

– Зефирки? – обрадовано воскликнул Ницше, выскочивший из-за спины Аркадия Петровича. – Я тоже впервые пересекаю границу и требую полагающихся мне зефирок!

Антуан опешил. Он явно имел в виду что-то другое.

– Зефир – это западный ветер, – стараясь сохранять тор-

жественный и надменный вид, пояснил Аркадий Петрович.

– Что вы меня путаете? – возмутился ослик. – Западный ветер – это западный ветер. Ну, в крайнем случае, вест. А зефир – это сладкая вкусняшка.

Аркадий Петрович и Антуан Пустопорожный растерянно переглянулись. Кажется, посвящение пошло не по сценарию.

А ослик принялся вертеться вокруг, пытаясь мордой залезть им в карманы.

– Зефир – это из древнегреческой мифологии, – попытался образумить осла-сладкоежку Ароз Азорин, – сын [Астрея](#) и [Эос](#) и...

– А при чём тут древнегречи с их мифологией? – возмутился Ницше. – И вообще, кто такие древнегречи? Это они придумали зефирки?

Аркадий Петрович вздохнул и приготовился к долгой лекции, из которой мы с моим длинноухим приятелем почерпнули, что древнегреческая культура является праматерью всей европейской культуры. Что её влияние на европейские народы невозможно переоценить, а мифы Древней Греции легли в основу большинства сюжетов мировой литературы.

– Ну что, поняли? – поэт упёр руки в бока и посмотрел на нас с негодованием и укором.

Точно так же Жанна глядела на меня, когда я пытался что-нибудь утащить у неё с кухни во время готовки. Да ещё и немытыми руками!

– Зефирок не будет? – сделал заключение Ницше.

Ослик громко фыркнул и с обиженным, но гордым видом удалился на корму, к Липунюшке и фиолетовому котёнку. А Ароз Азорин хлопнул себя по лбу и застонал. Потом отошёл к борту, привалился к нему и сполз на пол.

– Что он так расстроился? – спросил я Антуана.

Протодиакон сложил руки на груди.

– Вообще-то, это Аркадий Петрович придумал посвящение, – тихо сообщил он.

– Он что, такой древний, как эти греки? – удивился я. – Если это древняя традиция, а он её придумал, значит, он ещё древнее?

– Ты не так понял, – скривил губы Антуан. – Нет никакой традиции.

– Как так? А ради чего тогда надо было лаврушку портить? – я кивнул на приунывшего поэта. – Она в умелых руках чудеса творит!

– Откровенно говоря, – Антуан подошёл к Аркадию Петровичу и отщипнул листик от венка, венчавшего седую голову приятеля, – есть похожая традиция, только морская. При первом пересечении экватора бывалые мореходы, ещё их величают морскими волками, устраивают посвящение новичкам. Это так называемый день Нептуна.

– А это ещё кто? – нахмурился я.

– Это бог моря в древнегреческой мифологии, – буркнул Ароз Азорин.

– Чтобы развеселить тебя и внести разнообразие в наше

длинное путешествие, Аркадий придумал что-то аналогичное морскому дню Нептуна, – пояснил протодиакон. – Разумеется, его надо было назвать как-то по воздушному.

– А тут Ницше со своими зефирками влез! – раздражённо вставил поэт и пятернёй взъерошил свою седую шевелюру.

Я хмыкнул.

– Спасибо, конечно, за попытку, – сказал я, повернувшись к Аркадию Петровичу. – Но я, признаться, уже в скандинавской мифологии успел запутаться. А тут ещё, видите ли, древнегреческая! – Я всплеснул руками. – Вы мне сначала про этих ваших Одинов с Мимирами расскажите, раз уж мы на север собрались. А про Нептуна давайте потом, когда в Грецию полетим.

Антуан и Аркадий Петрович переглянулись.

– А Иван прав, – кивнул поэт. – Надо ему ликбез по скандинавскому эпосу устроить.

– Вот ты и устраивай. Всё равно ты больше меня вопрос изучал, – протодиакон хмыкнул и пошёл на корму, где сидели Липа и Че.

По его виду было ясно, что у него в голове родился новый проект. И следующее его документальное путешествие будет как раз в Грецию.

Поэт же поманил меня за собой. Мы устроились на носу, вблизи так поразившей меня своей реалистичностью головы дракона.

– Ну, слушай, – начал Аркадий Петрович. – В начале была

чёрная бездна Гиннунгаап.

Глава 3

Ну и психи, доложу я вам, были эти скандинавские боги! А ещё асы, называется! Один Один, простите за тафталогию, чего стоит. Мало того, что вырвал себе глаз ради того, чтобы беседовать с говорящей головой предка своего Мимира, которого сам же и грохнул, сотворив из его останков нашу грешную землю, именуемую Мидгардом. Мало того, что пригвоздил себя своим собственным копьём к многострадальному мировому ясеню, дабы постичь какую-то там мудрость. Так он ещё и коварного Локи в семью принял! Несмотря на ту самую мудрость, из-за которой Один висел девять дней, точно засушенная бабочка в коллекции полоумного энтомолога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.